

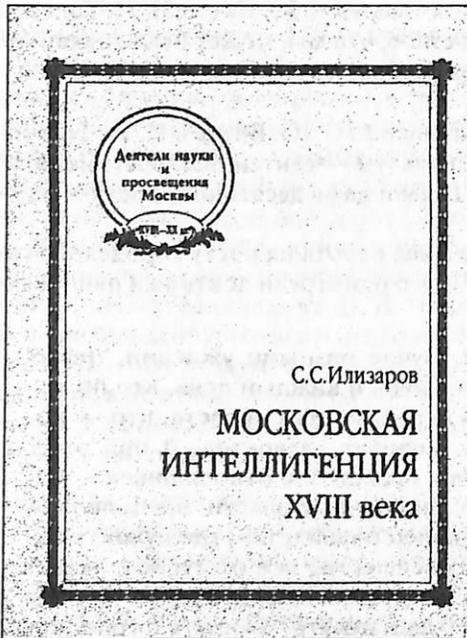
заниматься нельзя и потому следует покинуть пост городского головы. Это он и сделал в январе 1916 г. В марте И. И. Толстого повезли на лечение в Крым. Там, в имении графини С. В. Паниной в Гаспре, 20 мая 1916 г. он умер. Похоронили его в Петрограде, в Александро-Невской лавре, на Никольском кладбище, которое в 1920–1930-х гг. подверглось разорению. Памятник И. И. Толстому не сохранился. «Воспоминания» и «Дневник» будут ему вечным памятником.

Литература

1. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. III. М., 1963.
2. Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. М., 1993.
3. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 32. М., 1962.

И. Н. ЮРКИН

МОСКОВСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ XVIII ВЕКА*

Среди москвоведческих изданий, появившихся в последние годы, немало добротных, есть хорошие, встречаются очень хорошие. Москвоведение — на очередном пике исследовательского и педагогического интереса к нему. Найти сегодня среди множества захваченных в его орбиту проблем, тем, сюжетов, проектов и начинаний свою нишу — дело, хотя и возможное, но уже непростое. Поэтому в начале испытываешь даже удивление от того, что энциклопедического труда, подобного только что вышедшей из печати книге С. С. Илизарова о московской интеллигенции XVIII в., прежде, оказывается, не существовало.

Впрочем, осознав, какой квалификации требует такое издание, оценив необходимые для этого усилия, скоро понимаешь, почему до сих пор не было серьезных покушений на создание подобной книги, и одновременно радуешься этому: хорошо, что не испортили идею.

Конечно, точки соприкосновения у рецензируемого и существующих изданий есть, да и не могло их не быть. В универсальных и специальных москвоведческих справочниках, содержащих сведения об истории культуры, немало персоналий, принадлежащих к XVIII столетию. Сошлюсь хотя бы на старую, брежневской эпохи энциклопедию «Москва» (1980) [1] или недавно выпущенных «Коллекционером

* Илизаров С. С. Московская интеллигенция XVIII века / РАН ИИЕиТ. ГИМ. ГПИБ. — М.: Янус-К, 1999. — 370 с., илл.

старой Москвы» Н. Полуниной и А. Фролова (1997) [2]. С другой стороны, многочисленные москвичи «рассеяны» и среди персонажей разного рода персональных справочников по этой эпохе, не ограниченных регионом (многие из этих изданий перечислены С. С. Илизаровым). Но ни в одной из книг-предшественниц близкого жанра просвещенный круг московского общества не представлен столь многолюдной группой, нигде (под одной обложкой) биографии не раскрыты столь подробно и добротнo, наконец, нигде настолько объемно и выразительно не удалось обрисовать историко-культурную среду и черты ее совокупного портрета — аспект, применительно к проблемам, имеющим историко-региональную компоненту, особенно важный. По вполне справедливому утверждению автора, «книга не имеет аналогов в москвоведческой литературе».

Вот некоторые впечатления и мысли, возникшие по ходу знакомства с ней.

Статья, предшествующая словарю, начинается с обоснования вынесенного на обложку названия — «Московская интеллигенция XVIII века». Автор признается, что он окончательно определился с ним лишь на заключительном этапе работы и что его «рождение» сопровождалось «характерной коллизией между рабочим названием проводимого исследования и тем, как точно и по возможности лаконично» можно было бы его назвать (с. 8). Задача оказалась непростой, и избранный вариант ее решения не бесспорен — во всяком случае, при чтении иной раз задумываешься, вполне ли он удовлетворяет материалу конкретных статей. Позиция требует расшифровки и аргументации — они предложены. После эмоционально окрашенных характеристик термина «интеллигенция» (отмечающих емкий и возвышенный характер слова, упоминающих о «благородном труде» и прочее) следует базисная дефиниция: «интеллигенция это ... образованная, просвещенная и умственно развитая часть общества». Перечислены те профессиональные группы, которые, по мнению автора, подпадают под такое определение: «ученые, инженеры, учителя, профессора, писатели, поэты, переводчики, архитекторы, художники, артисты, врачи, аптекари, журналисты, книгоиздатели, коллекционеры, меценаты» (с. 9). За сим вступительная статья переходит в краткий очерк истории формирования и эволюции интеллигенции Москвы — часть безусловно нужную и вполне успешно исполненную.

Сказанное не исчерпывает того, что составляет концепцию издания. Автор останавливается на принципах и критериях, положенных в основание отбора имен. Предложенный им подход представляется наиболее предпочтительным: не выделение наиболее известного и признаваемого выдающимся (нередко скрывающее желание облегчить труд по поиску сведений), но сплошная каталогизация материала, стремящаяся, в пределе, к полному его охвату («цель настоящей работы ... дать систематизированные сведения обо всех, кто принимал участие в развитии науки и просвещения Москвы в XVIII веке» (с. 10). За этим отчетливо просматривается, во-первых, свойственная академической науке установка на фундаментальность, во-вторых — трезвая оценка степени изученности вопроса, осознание того, что тема пока еще не исчерпана даже в части накопления и первичной систематизации материала (что, конечно, не запрещает обобщать имеющийся).

Попытка представить людей через их деятельность подразумевает повышенное внимание к фактам последней. Отсюда — прямо декларируемый «принципиально фактографический характер» книги, — подход, не только совершенно в данном случае оправданный, но и, несомненно, обладающий внутренней, да и внешней логикой.

Но что понимать под «участием в развитии науки и просвещения»? Вернее, — как определить степень этого участия, достаточную для включения в подобное из-

дание? Автор предлагает, по его словам, «единственный» (подразумевается, вероятно, единственно приемлемый) критерий: наличие творческого наследия. Последнее, по С. С. Илизарову, — результат творческой деятельности, оформленный «в виде письменного и тем более опубликованного текста», архитектурной постройки (хотя бы ее чертежа или плана), произведения изобразительного искусства. Сюда же включено наследие деятелей Просвещения. Оставлено место и для нестандартных случаев, «исключений» — когда, например, «тот или иной деятель XVIII в. не соответствует ни одному из ... параметров, но чья деятельность имела подчас решающее значение». Такова, полагает автор, императрица Елизавета Петровна.

Вспомним, однако, исходный термин, стоявший в начале цепочки рассуждений, которые привели к императрице: определялось, расшифровывалось, уточнялось понятие «интеллигенция». Никто не рискнет отказать в образованности, просвещенности и умственной развитости, скажем, Екатерине II. Приложимость тех же слов к ее предшественнице на престоле куда менее очевидна. Пребывание последней в словнике должно оправдать наличие «творческого наследия» — основанного при Елизавете Московского университета. В ее пользу как будто говорят и некоторые другие факты. «Государыня известна как женщина если не образованная, то грамотная» [3, с. 137]. «Елизавета была значительно грамотнее своего великого отца», она знала языки — французский, отчасти немецкий и шведский [3, с. 137, 138]. Но у Петра — могучая, ненасытная тяга к знаниям и, как результат, — «необъятная масса технических познаний» [4, с. 29]. Писавший с ошибками, в интеллигенцию он вписывается с меньшими трудностями, чем читавшая французские романы дочь. Образ последней и в дальнейшем будет, наверное, конкретизироваться, но едва ли в результате этой работы удастся перевернуть формулу, которую Е. В. Анисимов использовал в названии одной из глав своей цитированной выше монографии: «царь-девица, или как править Россией, лежа на боку».

Елизавета, введенная в словарь в качестве исключения (оговорка, которая, в принципе, все оправдывает), не одинока. Листая страницы, встречаем на них таких «пестрых» деятелей, как известный «прибыльщик» Алексей Курбатов, князь Матвей Петрович Гагарин, глава Преображенского приказа князь же Иван Федорович Ромодановский. Все они были заметными, даже крупными московскими чиновниками: Курбатов — обер-инспектором Ратуши, Гагарин — московским комендантом, Ромодановский — «главным начальником» Москвы (1719–1724), позже (1727–1729) московским генерал-губернатором. По должности, а также выполняя особые поручения, каждый из них приложил руку к культурному строительству в столице, и во всяком случае мог влиять на «развитие науки и просвещения». Но если о Курбатове есть данные вполне конкретные (заведовал Математической и навигацкой школой), то оснований для отнесения к культур-прогрессорам прочих меньше. Из приведенных фактов по ведомству науки и просвещения за Гагариным можно учесть только исполнение им указа «Кремль и Китай фортификаковать», за Ромодановским — строительство Триумфальных врат к приезду Петра II в Москву. Но ведь не в качестве же архитекторов выполняли они эти работы! А если вполне достаточно и организационного участия, то почему обойдены прочие московские градоначальники, коих только за 25 лет после вступления в должность первого московского губернатора (Тихона Никитича Стрешнева в 1710 г.) сменилось 12 человек (см. [5])?

Кроме того, называя кого-то «интеллигентом», предполагаем у него определенный уровень моральных качеств — обойтись без этого не позволяет даже поправка на эпоху. (Да и сам автор называет это слово «возвышенным», упоминая в связи

с ним «благородный труд» и прочее). Между тем в делах Гагарина следствие обнаружило такие злоупотребления, что он был осужден и повешен. Курбатов, место которого в словаре с формальной стороны вполне обоснованно, кончил тоже нехорошо: от расплаты за махинации на посту архангелогородского вице-губернатора его спасла только смерть. Кстати, из числа своих московских достижений в первую очередь ценил он не Школу, а то, что в 1705 г., руководя Ратушей, увеличил питейный сбор по Москве на 112 тысяч рублей (см. [6, с. 500]).

Нет, я не предлагаю очистить словарь от лиц, вступивших в конфликт с законом или властью, его породившей. Провозглашенный автором принцип беспристрастности подхода (с. 10) кажется и мне единственно верным. Речь о правомерности причисления конкретных лиц к просвещенному и творчески продуктивному кругу. В принадлежности к нему таких личностей, как, например, И. Т. Посошков и А. Н. Радищев сомнений не возникает. А вот включению в интеллигенцию деятелей, подобных М. П. Гагарину, нечто в душе противится.

Сказанное — не столько упрек автору (полемика с ним по отдельным персоналиям или фактам не отражается на общей высокой оценке книги). В большей степени это констатация трудности вопроса о квалификации «населения» книги — вопроса, решаемого им, повторяю, в данной ситуации в целом наилучшим образом. Но может быть, следовало остановиться на нем в предисловии еще более подробно? Возможно, следовало обсудить и другие подходы, отстаивая тем самым и обосновывая свой?

Основной объем издания (308 стр. из 370-ти) занимают собственно словарные статьи и сопровождающие их избранные портреты. Чтение интересное и поучительное для самых различных категорий читателей и при разных способах работы с книгой (чтения подряд или отдельными фрагментами). В невод автора попало свыше тысячи человек — цифра действительно очень внушительная, еще раз подтверждающая вывод об уникальности данного издания в современной московедческой библиографии.

Говоря о достоинствах рецензируемого сочинения (основной его части), необходимо упомянуть:

1. Наличие статей, в которых использованы результаты обширных собственных изысканий автора. Среди них выделяются статья об историке и переводчике Михаиле Ивановиче Ильинском, обширный очерк о знаменитом Герарде Фридрихе Миллере и статья о переводчике и лексикографе Федоре Афанасьевиче Полунине. Отметим, что обращение к названным личностям характеризует, помимо прочего, исследовательский вкус автора: каждый из названных — личность далеко не рядовая. Применительно к Миллеру это утверждение сегодня вполне очевидно (заметим, кстати, что в разработке его фигуры в «москвоведческом» контексте и в общей коррекции отношения к нему немало сделал лично С. С. Илизаров, в том числе на страницах ВИЕТА). Примечательны, хотя и не сравнимы с Миллером по масштабу) и двое других. Ильинский — автор сочинения по истории Москвы, первого из опубликованных среди известных на сегодняшний день (1775, вышла в свет в 1795). Из пионеров — и Полунин, автор подготовленного к изданию с участием Миллера первого русского географического словаря (конец 1760-х, опубликована в 1773), которому была суждена достаточно долгая жизнь благодаря перепечатке его материалов в составе словарей Максимовича и Щекатова. Эксклюзивный компонент издания, включающий названные статьи, выводит данное издание за границы научно-справочного.

2. Весьма ценно присутствие в словаре значительного числа статей, посвященных духовным писателям. Чередование на его страницах имен светских и духов-

ных лиц, несомненно, способствует формированию у читателя более цельного и объемного ощущения культуры эпохи. Правда, есть здесь один пробел, обусловленный почти полным отсутствием соответствующей информации в использованной автором литературе: за пределами словаря оказались писатели старообрядческие. Между тем приходящееся на екатерининскую эпоху превращение Москвы в крупный старообрядческий центр имело частным следствием появление в ней придерживавшихся старой веры деятелей, оставивших заметное, подчас значительное письменное наследие. Из числа в той или иной степени связанных с Москвой старообрядческих писателей XVIII в. упомянем Иерофея Андреева, основателя страннического согласия Евфимия, наставника московских поморцев Василия Емельянова, Иону Курносова (Курносого), Тимофея Лисенина, Павла Любопытного, инока Леонтия Москвитянина, Григория Яковлева и др. Бывал в Москве выдающийся деятель старообрядчества, киновиарх Выговского поморского общечеловечества, плодовитый писатель Андрей Денисов (Вторушин). Вопрос целесообразности включения в словарь того или иного из перечисленных можно обсуждать, но в целом присутствие в нем представителей этой группы только обогатило бы картину.

3. Оригинальным (во всяком случае, в качестве осознанного и последовательно проводимого приема) и вполне оправданным представляется включение в тексты статей характеристик, принадлежащих современникам. Особенно выразительно такие, подчас эмоционально окрашенные, цитаты «смотрятся» на фоне подчеркнутой беспристрастности авторского текста. Это отчасти компенсирует некоторую его эмоциональную сухость (если, разумеется, считать ее недостатком), и, что действительно важно, — неизбежное отсутствие в книге некоторых несохранившихся или пока еще невыявленных портретных изображений. «Оживить» энциклопедическую статью позволяет и такой редкий для нее элемент, как поэтическая цитата: вводимая достаточно осторожно и всегда обдуманно, у Илизарова она почти всегда уместна. То же можно сказать и в отношении большинства других, подчас непривычно объемных, цитат, например, содержащей ценный биографический материал эпитафии Иоанникию Лихуду, которую сочинил его братом.

4. Хочется поблагодарить за выверенные по научным каталогам, а частично — и в ходе личного просмотра, названия упоминаемых произведений печати. В отдельных случаях мужеству автора, последовательно проводящего этот принцип на протяжении всей книги, остается только позавидовать. Так, полное название полунинского словаря в современном наборе занимает 15 строк.

Сожаление вызывают (хотя понимаю, что это почти неизбежно) жесткие ограничения объема пристатейной библиографии. Из-за них — не всегда удачный отбор, может быть, влияние на него личного вкуса и пристрастий. В качестве примера сошлюсь на статью об Андрее Андреевиче Виниусе, в которой не указаны капитальная работа И. П. Козловского «Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве» (см. [7]). Приведена, впрочем, другая работа того же автора [8], но «Почты», включившие большую часть материала «Сотрудника», дают широкую панораму развития почтового дела в России, заметно уточняющую представление о месте в ней Виниуса. Можно указать и на другие не попавшие в библиографию ценные публикации об этом деятеле — например, на работу Н. Левинсона о так называемой «Книге Виниуса» (см. [9]), страницы в монографии С. П. Луппова [10] о сохранившейся библиотеке и др. Пропуски в библиографии попадают и в других статьях. Например, в статье о Василии Алексеевиче Левшине отсутствует указание на книгу о нем Г. П. Присенко [11]. Говоря об этом, отнюдь не подразумеваю, что автор с этими сочинениями не знаком. Про-

пущены они скорее всего сознательно, в стремлении уменьшить объем избранной библиографии, а это чревато не всегда оправданными потерями. Впрочем, оставим за автором право самостоятельно отбирать рекомендуемые им читателю книги и не включать в их список издания, с его точки зрения, менее удовлетворительные.

К основной части словаря примыкает раздел, озаглавленный «Дополнительный список лиц, участвовавших в развитии науки и просвещения Москвы XVIII века». Кто они — эти люди, принимавшие определенное участие в...? Принцип их отбора автор жестко не определил, констатировав лишь свое стремление к максимально возможной полноте при дефиците исторических источников (с. 11). Полагаю, что создание этого раздела — прежде всего свидетельство высокой научной добросовестности автора, не опасаящегося показаться неосведомленным в частном факте (что, в принципе, неизбежно: по совершенно справедливому его замечанию, «история культуры XVIII столетия имеет исключительно насыщенную исследовательскую традицию»), — но полагающего куда более опасным упустить из внимания ту или иную фигуру, обеднив тем самым и без того пока еще далекий от полноты список культурных деятелей эпохи.

Формирование двух списков порождает, однако, проблему распределения по ним конкретных персоналий. Всегда ли оно обосновано? В подавляющем большинстве случаев — вполне убедительно, хотя по частностям, конечно, можно спорить. Но поскольку разбиение на списки изначально достаточно условно, списки пластичны, их компоненты — подвижны. Как следствие, местоположение статьи подчас без насилия над фактами вполне может быть изменено. Примером служит Павел Григорьевич Демидов, помещенный в дополнительный список. Даже приведенных в словаре фактов (среди них — щедрая материальная помощь Московскому университету, подаренные ему коллекции, длительная переписка с европейскими учеными и др.), думаю, более чем достаточно, чтобы отвести ему более почетное место в первой части словаря.

Замечательно интересен и очень органичен в издании раздел, посвященный журналам. Они — по отдельности, и тем более в совокупности, — коллективный деятель и участник процесса развития науки и просвещения. Конечно, это еще не середина XIX в., когда журнал, потеснив книгу, на десятилетия превратится в основное чтение просвещенного круга (см. об этом, например, в работах М. П. Мохачевой [12; 13]). По данным М. П. Мохачевой, «начиная с 1830-х гг. Журнальный тип издательской продукции и в столицах, и в провинции начал опережать, а затем оттеснил на второй план книжный по темпам роста, качественно меняя структуру круга и репертуара чтения образованной публики» [12, с. 40]. В XVIII в. журнал пока еще пробует свои силы. Но богатырские задатки младенца чувствуются уже вполне ясно.

Безусловная удача книги — иллюстративный ряд. В нем многое заслуживает искренней похвалы, и прежде всего редкость некоторых из включенных в издание изображений, тщательность отбора в тех случаях, когда сохранившаяся иконография давала для этого возможность. Одобрение вызывает и то, что при подборе иллюстраций удалось избежать стилевой и технической пестроты: автор ограничился тиражной графикой, силуэтами и медалями (воспроизводимыми по изданию Ю. Б. Иверсена [14]). Известный живописный портрет Прокофия Демидова работы Левицкого (из собрания ГТГ) и ярче, и богаче деталями, чем воспроизведенная в книге гравюра с него. Но столь же очевидно, что цветной Демидов «забил» бы другой портрет на этом развороте: гравюру Ф. Алексева, изображающую митрополита Новгородского Димитрия (Сеченова). Отметим, кстати, (отне-

ся это к безусловным удачам) большое количество приведенных в книге портретов духовных лиц, по понятным причинам на протяжении большей части XX в. производившихся в отечественной печати крайне редко.

Портреты деятелей логично дополнены «портретами» периодических и продолжающихся изданий Москвы XVIII в. — этот нетрадиционный ход, на наш взгляд, вполне оправдал себя: и содержательно, и в художественно-эстетическом плане посвященные периодике страницы книги оказались ничуть не менее интересными, чем страницы, рассказывающие об их издателях и сочинителях.

Есть книги и книги, среди них — справочники и справочники. Как бы далеко ни ушла историческая наука в разработке частных вопросов, они — вечная классика. Новиков, Болховитинов, Венгеров, Русский биографический словарь — берем лишь биографически ориентированные. И хотя только время — окончательный судья и оценщик, уверен, что книге С. С. Илизарова суждена долгая жизнь.

Литература

1. Москва. М., 1980.
2. *Полунина Н., Фролов А.* Коллекционеры старой Москвы. М., 1997.
3. *Анисимов Е. В.* Елизавета Петровна. М., 1999.
4. *Ключевский В. О.* Соч. Т. 4. М., 1958.
5. *Балязин В. Н.* Московские градоначальники. М., 1997.
6. *Павленко Н. И.* Петр Великий. М., 1990.
7. *Козловский И. П.* Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. Т. 1. Варшава, 1913.
8. *Козловский И. П.* Андрей Вениус, сотрудник Петра Великого (1641–1717 гг.). СПб., 1911.
9. *Левинсон Н.* О так называемой «Книге Вениуса» // Ежегодник ГИМа. Год 1961. М., 1962.
10. *Луппов С. П.* Книга в России в первой четверти XVIII в. Л., 1973.
11. *Присенко Г. П.* Просветитель В. А. Левшин. Тула, 1990.
12. *Мохначева М. П.* Журналистика и историческая наука в России 30-70-х гг. XIX в. (Опыт источниковедения историографии). Авторефер. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1999.
13. *Мохначева М. П.* Журналистика и историческая наука. В 2-х кн. М., 1999.
14. *Иверсен Ю. Б.* Медали в честь государственных деятелей и частных лиц. Т. 1. СПб., 1880; Т. 2. СПб., 1883; Т. 3. СПб., 1896.